
ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ЯНВАРЬ.

1871.

ВОСПОМИНАНІЕ О ТРЕХЪ РУССКИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СЯЩЕННИКАХЪ.

(Изъ прожитаго, но не забытаго прошлаго.)

I.

Моя личныя воспоминанія дѣтскаго, юношескаго и мужскаго возраста тѣсно связаны съ воспоминавіемъ о нѣсколькихъ высоко нравственныхъ личностяхъ изъ числа тѣхъ смиренныхъ дѣлателей въ вертоградѣ Божіемъ, которые называются русскими священниками. О нихъ-то и намѣренъ повѣдать въ настоящей статьѣ во славу Божію и на пользу ближнимъ,—прочтя въ Странникѣ (1866 г.) прекрасную статью протоіерея Г. Дебольскаго, гдѣ встрѣчаются справедливыя нареканія на быстрое измѣненіе прежнихъ добрыхъ отношеній нашей образованной среды къ своему духовенству; а кто знаетъ, на чемъ основываются эти отношенія, тотъ пойметъ, что измѣненіе ихъ въ свою очередь можетъ послужить и вѣрнымъ мѣриломъ нравственнаго бытія той среды, о которой идетъ рѣчь.

Предокъ мой былъ изъ числа патріаршихъ бояръ; дѣдъ мой принадлежалъ къ числу крупныхъ вотчинниковъ Ка- ой губерніи Ко-го, уѣзда, въ которомъ владѣлъ въ началѣ текущаго столѣтія селомъ *Бурнашевымъ* съ нѣсколькими окрестными деревнями; но такъ какъ онъ имѣлъ многочисленное семейство, состоявшее изъ 12 сыновей и 8 дочерей, то по раздѣлѣ наслѣдства (родоваго и благопріобрѣтеннаго) почти на равныя доли между братьями и сестрами, отецъ мой, дяди и тетки сдѣлались уже владѣльцами мелкопомѣстными и за исключеніемъ одного изъ дѣдѣй,

оставались таковыми до послѣдней крестьянской реформы; послѣ службы на разныхъ поприщахъ (военномъ и гражданскомъ) они мирно покончили свой вѣкъ въ родовыхъ своихъ помѣстьяхъ, лично управляя небольшими, но по тогдашнему благоустроенными хозяйственно имѣніями.

Большинство моихъ родныхъ по сему были прихожанами села Бурнашева, главнаго помѣстья моего дѣда, гдѣ погребенъ онъ самъ и почти всѣ мои дяди и тетки родные и двоюродные. Сельская наша церковь, посѣщаемая аккуратно своими прихожанами помѣщиками и помѣщицами, служила для нихъ духовной и вмѣстѣ родственной связью. Послѣ обѣдни, обыкновенно всѣ собирались у жившей въ селѣ старушки двоюродной тетки моей Ак. Ап. С—ы, благочестивой вдовы, которая всю свою жизнь посвятила молитвѣ и благотворительности, подѣ руководствомъ нашего сельскаго священника о. *Тихона Тихомірова*. На немъ-то и останавливаются одни изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній моего дѣтства. Какъ теперь смотрю на этого почтеннаго старца, живаго и веселаго въ свои 60 лѣтъ, умнаго, дѣятельнаго и благочестиваго, равно любимаго всѣми своими прихожанами,—помѣщиками и крестьянами. Помню, что онъ выучилъ меня писать, и увидавъ, какъ бойко я читаю гражданскую печать (выученный матерью), но плохо еще разбираю церковную, заботливо занялся обученіемъ меня чтенію и церковной печати, серьезно говоря матушкѣ: „это дѣло святое, его надобно начинать съ начала,—а начало-то гдѣ? Не въ той ли книгѣ, въ которой читается: въ началѣ бѣ Слово...“ О, какъ я глубоко признателенъ доброму старцу за этотъ трудъ любви его, который такъ много принесъ мнѣ душевной пользы, когда въ послѣдствіи души, сознавъ, по благодати Божіей, суету обыденной жизни, обратилась отъ кладенцевъ сокрушенныхъ къ источникамъ воды живой,—*возжада къ Богу живому и крѣпкому!* Первые сѣмена благочестія были посеяны въ моемъ сердцѣ рукою моею приснопамятной, глубоко благочестивой матери; но о. Тихонъ принималъ въ возвращеніи ихъ живое, истинно отеческое участіе. Особенно благотивно дѣйствовало на меня церковное богослуженіе; родители всегда брали меня съ собою, когда ѣздили въ церковь (отстоявшую отъ нашего селца на 5 верстѣ), и большою для меня наградою было, если родитель, нерѣдко заходившій послѣ обѣдни къ батюшкѣ на чашку чай, бралъ меня съ собою и туда. Ласки добраго и любвеобильнаго старца и его семьи и теперь еще живы въ моей благодарной па-

мнѣ. Подъ большіе праздники у насъ въ домѣ всегда бывала всенощная, для служенія которой о. Тихонъ прѣзжалъ съ своимъ клиромъ; отъ насъ отправлялись (за 4 версты) къ теткамъ; не могу понять, какъ онъ умѣлъ такъ хорошо распорядиться своимъ временемъ, что вездѣ успѣвалъ и всѣ были имъ довольны, но знаю, что это было именно такъ. Черезъ наше селцо пролегала дорога въ уѣздный нашъ городъ, куда о. Тихонъ нерѣдко ѣзжалъ, какъ по служебнымъ, такъ и по домашнимъ дѣламъ, и это давало намъ пріятные случаи видѣть его часто своимъ гостемъ: хоть на четверть часа, а непременно зайдетъ и при этомъ случаѣ мнѣ, его маленькому любимцу, радостно выбѣгавшему къ нему на встрѣчу лѣтомъ на дворъ, а зимою въ сѣни, всегда доставалась на долю его первая отеческая ласка и благословеніе, которыми я привыкъ дорожить наравнѣ съ родительскими. Также онъ заходилъ къ намъ всегда, когда бывалъ на деревнѣ для посѣщенія больныхъ. Покойная же моя матушка постоянно заботилась о уходѣ за больными крестьянами, ихъ женами и дѣтьми, и ближайшей помощницей ея въ этомъ дѣлѣ была одна изъ сѣнныхъ дѣвушекъ, которая подъ ея непосредственнымъ руководствомъ такъ напрактиковалась въ домашнемъ леченіи, что получила отъ народа названіе „дѣвушки лекарки“, и къ ней приходили изъ всего округа за совѣтами и лекарствами. При этомъ одной изъ главныхъ заботъ ихъ обѣихъ было, чтобы кто-нибудь изъ опасно больныхъ не отошелъ въ вѣчность безъ напутствія св. Танинъ, и о. Тихонъ никогда не заставлялъ повторять просьбу о семъ, являясь по первому зову съ духовною помощію и словомъ утѣшенія. Ни весеннее половодье (мы жили отъ села черезъ рѣку), ни осенняя бурная ночь, ни зимняя вьюга не могли удержать его отъ исполненія своего долга. „Максимиць, готовъ лошадь“, — скажетъ старому инвалиду, завѣдывавшему мужскою частію хозяйства, — а самъ надѣнетъ на себя одежду, смотря по времени года, на голову шляпу или треухъ съ наушниками, въ руки возьметъ муфту, и простаясь съ своими, уже стоитъ на своемъ высокомъ крыльцѣ, въ ожиданіи повозки.

Ни одинъ семейный праздникъ (какъ напр. именины), какъ у насъ, такъ и у нашихъ родныхъ, прихожанъ села Бурнашева, не обходился безъ о. Тихона, который былъ всегда самымъ почетнымъ и вождедѣннымъ гостемъ, и праздникъ былъ бы не въ праздникъ, еслибы въ такой день обѣденный столъ не былъ украшенъ присутствіемъ любимаго.

много батюшки. Взаимно и его домъ всегда былъ открытъ для своихъ прихожанъ; во время же говѣній служилъ въ-которымъ и единственнымъ пріютомъ въ теченіи цѣлой недѣли.

Овдовѣвъ. о. Тихонъ не упалъ духомъ подѣ этимъ дѣйствительно тяжелымъ для священника крестомъ, въ какіе бы годы и при какихъ бы обстоятельствахъ, онъ ни былъ посланъ; но именно мысль, что это крестъ не симодѣльный, а посланный свыше, а по сказанному: „чашу юже даде ми Отецъ, не имамъ ли пити ю?“ одна только эта мысль и можетъ подкрѣпить въ столь естественной скорби, въ которой какъ бы раздвоется живое существо по душѣ и тѣлу. Лишась спутницы своей благочестивой жизни, когда старшія дѣти уже были въ семинаріи, о. Тихонъ поручилъ женское хозяйство старшей дочери, а самъ тѣмъ прилежнѣе занялся младшими дѣтьми и мало-по-малу пристроилъ ихъ всѣхъ (а).

О. Тихонъ былъ примѣрнымъ хозяиномъ, но и въ этомъ умѣлъ найти счастливую середину: съ одной стороны онъ не пренебрегалъ своимъ домашнимъ и полевымъ хозяйствомъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые молодые и неопытные его собратія,—и это ставило его въ большую независимость отъ прихожанъ, позволяя быть чуждымъ всякой притязательности, а съ другой стороны—и не настолько увлекался своимъ хозяйствомъ, чтобы приносить этому занятію въ жертву не только существенныя, ни и второстепенныя свои обязанности. Известное же всѣмъ усердіе и непритязательность о. Тихона при исправленіи требъ, при известной бѣдности и разчетливости на деньги нашего крестьянина, имѣли слѣдствіемъ то, что никто и никогда не отказывалъ о. Тихону въ посильной услугѣ, не говоря уже о помѣщикахъ, которые—кто давалъ ему опредѣленную годовую дачу хлѣба, кто дарилъ на сѣмъ десятину—другую луга, или позволялъ заготавливать въ своихъ лѣсахъ дровъ для церкви и дома и т. д.; крестьяне, по своей

(а) Старшій изъ сыновей о. Тихона по окончаніи курса въ Семинаріи поступилъ на службу по министерству народнаго просвѣщенія и въ послѣдствіи занималъ мѣсто директора въ одной изъ гимназій (кажется Симферопольской); другой сынъ пошелъ по военной службѣ и участвовалъ съ отличіемъ въ оборонѣ Севастополя. Желательно, если дойдутъ до нихъ эти задушевные строки, чтобы и они откликнулись на нихъ болѣе подробной біографіей своего старца родителя.

совѣстливости въ отношеніи „добраго батюшки“, наперерывъ предлагали ему свои услуги и пріѣзжая къ обѣднѣ привозили *новинки*: кто ржи, кто овса, кто конопель, кто круш, и всѣ обижались на его вѣрнаго слугу, отставнаго воина Максимыча, добраго, но грубоватаго старика, когда онъ провожалъ привезшихъ къ самому о. Тихону, говоря: „пусть самъ распорядится какъ знаетъ, а мнѣ некуда ужъ и сыпать,—всѣ закромы полны“; а мужичку то и на руку, — ласковое слово, рюмка водки и кусокъ пирога бывали готовы для всякаго добраго прихожанина въ уютномъ домикѣ о. Тихона. Садикъ его былъ также благоустроенъ, какъ и остальное хозяйство; въ немъ немъ было и нѣсколько колодокъ пчелъ—любимое занятіе о. Тихона въ видѣ отдыха отъ другихъ трудовъ. Луга и жатва у о. Тихона всегда убирались *помочью*, и не къ кому такъ охотно не шли косцы и жницы на помощь, какъ къ домовитому и гостепріимному о. Тихону; скромное, но радушное, въ личномъ присутствіи хозяина, угощеніе, ласка, привѣтъ и благодарность оставляли по себѣ самую добрую память въ сердцахъ поселянъ, сблизая ихъ болѣе и болѣе съ добрыми пастыремъ.

Послѣдніе годы своей жизни (скончался въ концѣ 30-хъ годовъ) о. Тихонъ всецѣло посвятилъ возведенію въ селѣ Бурнашевѣ каменной церкви, вмѣсто прежней обветшавшей деревянной. Основаніе этому дѣлу положено пожертвованіемъ небольшого капитала помѣщицею того же села, моею двоюродною тетушкою А. А. С.-ою, и въ подспорье къ сему, по приглашенію о. Тихона, всѣ наличные помѣщичьи-прихожане обязались подпискою, докогда будетъ строиться храмъ, жертвовать изъ своихъ доходовъ не менѣе 100 р. с. въ годъ. Съ этими-то, повидимому далеко недостаточными для успѣшнаго совершенія такого многотысячнаго дѣла средствами, о. Тихонъ, уповая на помощь Божию, заложилъ въ нашемъ селѣ каменный трехъ-престольный храмъ, и имѣлъ утѣшеніе видѣть его оконченнымъ вчера и освятить одинъ изъ придѣловъ. Такова сила вѣры и ревности въ дѣлѣ Божиѣмъ! Къ этому періоду жизни о. Тихона справедливо можно приложить слова Писанія: „обновися, яко орля юности его;“ онъ поспѣвалъ вездѣ, самъ былъ и архитекторомъ и работникомъ, устроилъ кирпичный заводъ и неуставно подвигалъ всѣхъ и каждого изъ своихъ прихожанъ на посильную помощь; крестьяне помогали личнымъ трудомъ: одни дѣлали кирпичъ, другіе растворяли известь, третьи возили дрова; тѣ участвовали въ кирпич-

ной, другіе въ плотничной работѣ, и дѣло годъ отъ году подвигалось впередъ; когда же останавливалось за недостаткомъ средствъ, то о. Тихонъ направлялся къ помѣщикамъ: однихъ молилъ и упрашивалъ, другихъ стыдилъ и увѣщевалъ, и послѣдній рубль отдавался въ руки неутомимаго труженика на его великое дѣло. Такимъ-то трудомъ и неусыпною дѣятельностію въ 8 лѣтъ выросъ въ небогатомъ селѣ, на удивленіе всѣмъ, каменный трехпрестольный храмъ, который сдѣлалъ бы честь любому губернскому городу. О. Тихонъ имѣлъ утѣшеніе довести дѣло до уготовленія къ освященію одного изъ придѣловъ (въ теплой трапезѣ). Желая доставить утѣшеніе главной строительницѣ храма и сдѣлать торжество его освященія великолѣпнѣе, добрый о. Тихонъ, что называется, слеталъ за 60 верстъ въ Калугу и пригласилъ на освященіе Пр—го Н—ая. Во время освященія, которое было, по свидѣтельству присутствовавшихъ на ономъ, истиннымъ пиромъ въры для о. Тихона, онъ обливался радостотворными слезами умиленія; при чемъ замѣчено нѣкоторыми особенное событіе: предъ началомъ освященія въ открытыя окна купола главнаго храма влетѣлъ голубъ необыкновенной бѣлизны и все время леталъ подъ верхними сводами; когда же началось освященіе, то спокойно сѣлъ на верху иконостаса и пробылъ тутъ все время, пока продолжалось служеніе, невольно наводя своимъ появленіемъ на мысль о схожденіи Св. Духа въ видѣ голубинѣ. При окончаніи службы Пр—ый произнесъ слово, въ которомъ, обращаясь къ о. Тихону, сказалъ: „слава тебѣ, іерей Тихонъ, на земли, паче же на небеси.“ И точно онъ не умалилъ небесной награды земною, и даже разсердился, когда за чаемъ въ домѣ о. Тихона одна изъ старушекъ прихожанокъ добродушно (но не кстати) замѣтила его Преосвященству, что о. Тихонъ заслуживалъ бы за свои безчисленные труды по сему дѣлу особой награды. О. Тихонъ былъ такъ преисполненъ той внутренней радости, которая дается свыше въ награду каждому истинно-доброму дѣлу, той радости, которой, по слову нашего Спасителя, никтоже возметъ у получившаго, что вовсе и не помышлялъ ни о какой земной наградѣ за свои труды, считая достаточнымъ для себя награжденіемъ и то, что дожилъ до освященія, хотя одного изъ придѣловъ храма, и неутомимо продолжалъ заботиться объ его совершенномъ окончаніи. Но Господь уже готовилъ старцу упокоеніе отъ трудовъ его: въ одно весеннее утро праздничнаго дня, тотчасъ по отслуженіи

ранней литургіи, онъ пошелъ пѣшкомъ въ поле посмотреть *земля* и здѣсь скончался отъ аневризма.

Нужно ли говорить, какъ всеобща и единодушна была скорбь прихожанъ о потерѣ добраго пастыря, въ отношеніи котораго всѣ прихожане составляли какъ бы одну семью, соединенную съ нимъ почтеніемъ, любовію и благоговѣніемъ къ его пастырскимъ добродѣтелямъ? Когда дошло до меня извѣстіе о кончинѣ добраго старца, я уже былъ въ то время въ Кадетскомъ корпусѣ (1835—1840); я пролилъ горькія слезы о томъ, кого съ дѣтства привыкъ любить и почитать наравнѣ съ родителями. По пріѣздѣ моемъ на родину послѣ производства въ офицеры гвардіи въ 1840 году, первымъ дѣломъ моимъ было, посѣтивъ свой сельскій храмъ (тогда уже оконченный вполнѣ), отслужить панихиду на могилѣ добраго старца, котораго честное имя съ тѣхъ поръ и понынѣ въ своихъ недостойныхъ молитвахъ поминаю вкупѣ съ именами самыхъ близкихъ моему сердцу, разбитому уже многими чувствительными потерями лицъ. Не изгладится изъ памяти моей и самый обликъ этого почтеннаго пастыря: онъ остался въ моей памяти, какъ бодрый еще старецъ средняго роста, съ черными съ просѣдью волосами, на головѣ и бородѣ, съ круглымъ, пріятно выразительнымъ лицомъ, со всегдашнею добродушною улыбкою, и словомъ ласки и привѣта на устахъ. Не разъ еще ребенкомъ, стоя по его благословенію въ алтарѣ, во время его освященнодѣйствія, я видалъ лицо это какъ бы преображающимся во время принесенія безкровной жертвы, когда слезы умиленія текли по его ланитамъ, свидѣтельствуя о глубокомъ чувствѣ благочестія, съ какимъ онъ проходилъ свое служеніе. Миръ тебѣ добрый пастырь и вѣчная добрая память отъ всѣхъ твоихъ прихожанъ.

II.

Въ 1835 году я изъ 4-го уже класса К—ой гимназіи, былъ потребованъ (какъ записанный кандидатомъ) для поступленія въ 1-й Московскій Кадетскій корпусъ. И здѣсь былъ столько счастливъ, что встрѣтилъ священника, имя котораго произносится съ глубокимъ уваженіемъ и признательностію всѣми, кто имѣлъ счастье быть его воспитанникомъ, какъ законоучителя, и духовнымъ сыномъ, какъ духовника.

Это о. протоіерей Александръ Николаевичъ Шавровъ. Его ученость была не та сухая педантическая ученость,

которая, подобно лунѣ лишь свѣтитъ, а не согрѣваетъ, но та христіанская ученость, которая убѣждаетъ и трогаетъ силою присущей ей теплой вѣры, которая согрѣваетъ сердце слушателей теплотою оживляющаго ее чувства; его слово почерпало силу не въ однихъ „препретельныхъ“ человѣческихъ мудрости словесахъ“, но въ словесахъ Того, Кто есть самосушая истина и жизнь, и потому это было слово живое и оживляющее,—слово со властію. Такою-то ученостію и словомъ навсегда останется памятенъ о. Александръ своимъ воспитанникамъ. Уроковъ его мы ждали, какъ голодные—пищи, жаждущіе—питья: они были именно живымъ потокомъ лившимъ обильно свои струи изъ Богоглаголивыхъ устъ служителя Христова, безъ перерыва, во все теченіе нѣсколькихъ урочныхъ часовъ, и когда, по заведенному порядку, барабанная дробь возвѣщала намъ такъ называемую „перемѣну“ (начало урока изъ другаго предмета), никто не спѣшилъ оставить своего мѣста и оставлялъ его съ неохотою и сожалѣніемъ, что урокъ не продлился еще долѣе.

Уроки по закову Божию, по общей любви къ о. Александру, были приготовляемы всѣми вполне удовлетворительно, въ чемъ лучшіе ученики охотно помогали другимъ, тоже изъ желанія угодить батюшкѣ; но едва начиналось форменное спрашиваніе урока, стояло лишь кому-нибудь возбудить новый вопросъ, и оно мгновенно превращалось въ живую духовно-нравственную бесѣду, которая невольно приковывала къ себѣ сердца и вниманіе слушателей. Слушать эти, хватавшія за душу, импровизированныя лекціи христіанскаго правоученія, нѣкоторые нарочно приходили даже изъ другихъ классовъ, прятаясь для этого заранѣе за скамьи задняго ряда. Да не подумаетъ кто-либо, что такая манера о. Александра наносила ущербъ положительной сторонѣ преподаванія. Экзамены изъ катихизиса, священной и церковной исторіи и евангельскихъ чтеній съ объясненіями (чѣмъ ограничивался нашъ курсъ), какъ домашніе, такъ и публичный, были истиннымъ торжествомъ и для учащихся и для учителя и для всего корпуснаго начальства. Публичные экзамены всегда почти удостоивалъ посѣщеніа самъ знаменитый витія, московскій архипастырь митрополитъ Филаретъ и оставлялъ заведеніе съ утѣшительнымъ свидѣтельствомъ, что кадеты Московскаго корпуса, благодаря своему законоучителю, не только знаютъ, но и любятъ законъ Божій, что слово Божіе вселяется богато въ сердца ихъ.

Церковное Богослуженіе и великопостная исповѣдь были могущественными орудіями духовно опытнаго о. Александра для дѣйствія на умы и сердца своихъ воспитанниковъ. О. Александръ былъ отличнымъ знатокомъ музыки и церковнаго пѣнія; онъ самъ превосходно игралъ на фортепьяно, разыгрывая на немъ съ увлекательнымъ искусствомъ самыя сложныя произведенія нашихъ духовныхъ композиторовъ, и потому умѣлъ выскивать изъ насъ способныхъ и такъ пріохочивать ихъ къ упражненію въ церковномъ пѣніи, что въ его время кадетскій хоръ ни въ чемъ не уступалъ хорамъ духовныхъ заведеній столицы. Не было примѣра, чтобы кто-нибудь изъ пѣвчихъ, имѣвшій право на отпускъ домой наканунѣ праздника, не остался произвольно до утра, чтобы быть на клиросѣ за всенощной и при совершеніи литургіи. А любовь всѣхъ воспитанниковъ къ своей корпусной церкви свидѣтельствовалась ясно тѣмъ, что каждый выпускъ непременно составлялъ добровольную подписку на какое-либо украшеніе ея, желая оставить навсегда память своей любви къ тому храму, въ которомъ воспитывалось и поддерживалось его религіозное чувство. Служеніе о. Александра отличалось особымъ достоинствомъ, а его проповѣди слушались съ восторгомъ, переписывались и заучивались наизусть, какъ уроки жизни. У меня и до сихъ поръ сохраняются его толкованія на евангельскія притчи.

Несмотря на то, что мы говѣли и исповѣдывались только одинъ разъ въ годъ (въ великомъ посту) и что на исповѣдь cadaго изъ 500 воспитанниковъ давали можно было удѣлить болѣе $\frac{1}{4}$ часа, о. Александръ умѣлъ такъ вести воспитанниковъ, что день исповѣди былъ для нихъ самымъ важнымъ днемъ въ году. Обыкновенно для этого приводили насъ въ комнату, прилежащую къ церкви (столовую), по отдѣленіямъ (каждая рота состояла изъ 4-хъ отдѣленій), отдѣленные унтеръ-офицеры, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы каждый изъ воспитанниковъ входилъ въ свою очередь въ церковь, т.-е. не предупреждая и не задерживая другъ друга; исповѣдавшіеся же изъ церкви уходили прямо домой (въ свою роту). Бывши унтеръ-офицеромъ въ разныхъ ротахъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я имѣлъ случай замѣтить, что послѣ $\frac{1}{4}$ часа, достававшагося на долю cadaго воспитанника, никто, даже изъ записныхъ шалуновъ и вѣтрогоновъ (какіе конечно были въ общемъ числѣ), не выходилъ изъ церкви иначе какъ глубоко тронутымъ и съ заплаканными глазами, во свидѣтельство сердечнаго

умиленія и искренняго покаянія. Замѣчательно также, что всѣ были такъ проникнуты важностію таинства, что идя на исповѣдь каждый считалъ долгомъ предварительно испросить прощенія у товарищей, и особенно примириться съ тѣми изъ нихъ, на кого имѣлъ какое-либо особое неудовольствіе. Кто знаетъ человѣческую душу, тотъ легко пойметъ, сколько надобно было духовной опытности и отеческой любви, чтобы внушить такое высокое настроеніе взрослымъ воспитанникамъ, и многія ли изъ нынѣшнихъ заведеній не только свѣтскихъ, но и духовныхъ могутъ похвалиться о Господѣ соблюденіемъ этого однако же существеннаго правила для чистой исповѣди; правило это конечно не безъизвѣстно и нынѣ, но внушить соблюденіе его, какъ непреложной христіанской обязанности юношѣ, безспорно составляетъ великую заслугу законоучителя и духовнаго отца. Попробуйте гдѣ нибудь достигнуть одного этого результата, и вы смѣло можете сказать, что воспитанники ваши знаютъ Законъ Божій, ибо, по сказанному въ Писаніи, „не слушатели токмо, но творцы закона оправдятся; вѣра же безъ дѣла мертва есть.“

И внѣ классовъ и церкви, каждую повидимому случайную встрѣчу съ кѣмъ-либо изъ своихъ воспитанниковъ о. Александръ умѣлъ обратить въ ихъ духовную пользу: ласковое слово и отеческій привѣтъ былъ наградою и поощреніемъ для добрыхъ; укорный взглядъ или и прямое обличеніе—наказаніемъ и побужденіемъ къ исправленію для испорченныхъ. Основною чертою характера о. Александра была сердечная прямота и откровенность, доходившая иногда и до издѣшества: онъ былъ врагомъ всякой неправды, лицемерія и притворства, въ какомъ бы видѣ и средѣ они ни проявлялись, и потому онъ не всегда умѣлъ или, точнѣе сказать, хотѣлъ скрывать свое отвращеніе къ этимъ качествамъ, особенно если видѣлъ сѣмена ихъ въ комъ-либо изъ своихъ воспитанниковъ, разсуждая справедливо, что сорную траву можно и надобно вырывать, пока корень ея еще не окрѣпъ, руками, а когда окрѣпнетъ и укрѣпится, то съ трудомъ можно одолѣть и заступомъ. Понятно, что при такихъ свойствахъ и образѣ мыслей о. Александръ былъ безгранично любимъ большинствомъ, но за то имѣлъ и нѣсколько крупныхъ враговъ. По кадетскимъ преданіямъ извѣстно, что за свою прямоту и откровенность онъ подвергнулся сильному гоненію въ періодъ управленія военно-учебными заведеніями Д.....а, который вѣрилъ въ сны и примѣты, счастливые и несчастные дни,—

словомъ, имѣлъ своеобразныя религіозныя убѣжденія и, пользуясь своимъ вліяніемъ, вольно и невольно вносилъ эти убѣжденія въ сферу воспитательную. О. Александръ, какъ говорятъ, имѣлъ благородную смѣлость выступить противъ послѣдняго рода дѣйствій, то косвенно въ проповѣдяхъ, то и прямо въ словесныхъ объясненіяхъ, и едва было не лишился за эту смѣлость своего мѣста, но въ тотъ періодъ, въ который и имѣлъ счастье пользоваться уроками и любовію о. Александра (1835—1840), онъ стоялъ одинаково высоко какъ въ мнѣніи воспитанниковъ, такъ и во мнѣніи начальства, ибо директоромъ московскаго корпуса былъ тогда генераль-лейтенантъ Н. П. Анненковъ, извѣстный своими христіанскими убѣжденіями, вполне согласовавшимися съ высоко-нравственною жизнію, мужъ украшенный государственными заслугами и пользовавшійся справедливо особымъ довѣріемъ покойнаго государя Николая Павловича, который называлъ его нерѣдко „мой добрый Анненковъ“; а ближайшимъ помощникомъ его въ управленіи кадетами былъ баталіонный командиръ В. Ф. Святловскій, извѣстный своею педагогическою опытностію, пріобрѣтенной долговременною и внимательною службою по военно-учебнымъ заведеніямъ, который также пользовался общимъ уваженіемъ высшаго начальства и всѣхъ воспитанниковъ. Этимъ тремъ незабвеннымъ дѣятелямъ, разумію о. Александра, Н. П. Анненкова и В. Ф. Святловскаго, 1-й московскій кадетскій корпусъ много обязанъ нравственнымъ направленіемъ своихъ тогдашнихъ воспитанниковъ и преданностію своему долгу, отличавшему ихъ на службѣ и въ частной жизни. Надѣмся, что къ празднованію столѣтняго юбилея этого заведенія (основанъ въ 1777 году въ Шкловѣ графомъ Зоричемъ-Черноевичемъ, оттуда переведенъ въ Гродно, изъ Гродно въ Смоленскъ, а изъ Смоленска въ Москву) историкъ его, по долгу правды, отведетъ этимъ тремъ лицамъ самое почетное мѣсто въ своемъ трудѣ. — Но возвратимся къ о. Александру: съ тою же смѣlostію и откровенностію на своихъ лекціяхъ громилъ онъ слабость и пороки воспитанниковъ, хорошо ему извѣстныя, по его долговременной педагогической опытности и проницательности; а въ старшемъ классѣ при чтеніи лекцій изъ Исторіи христіанской Церкви вообще и русской въ частности, увлекаясь откровенностію, онъ нерѣдко развѣчивалъ отъ ложнаго ореола славы такихъ историческихъ лицъ, которыхъ тогда еще не коснулся правдивый судъ исторической критики; но любовь къ

о. Александру воспитанниковъ была такъ высока, что, понимая, изъ какого благороднаго источника истекаетъ это увлеченіе въ бесѣдѣ, они лишь слагали эти отзывы въ сердца своемъ, но остерегались повторять ихъ гласно, чтобы не сдѣлать вреда своему любимому батюшкѣ. Теперь можно сказать, что при этихъ увлеченіяхъ особенно доставалось отъ него на долю дѣятелей духовной реформы 1764 года, которая еще доселѣ ждетъ спеціальнаго изслѣдованія и правдиваго суда. Съ неменьшею горечью отзывался онъ о принудительномъ (вначалѣ) введеніи въ жизнь общественную иноземныхъ обычаевъ, замѣчая, что послѣдніе успѣли проникнуть даже и въ церковь, такъ напримѣръ: почти обязательная постановка нѣсколькихъ рядовъ стульевъ въ нѣкоторыхъ церквахъ столицы, или факельщики въ маскарадныхъ плащахъ и шляпахъ при богатыхъ похоронахъ. „Глядя на такую процессію, говаривалъ о. Александръ, невольно приходитъ простому русскому человѣку на умъ грѣшная мысль: что вотъ де въявь бѣсы тащутъ въ адъ чью-то грѣшную душу. Ну, къ чему и на что этотъ *маскарадъ* (и притомъ дорого стоящій), столь не свойственный высокой простотѣ и величію православнаго обряда?“ Вообще говоря, о. Александръ былъ горячій ревнитель отеческихъ преданій, глубоко любилъ свою родину и отлично зналъ и неофіціальную исторію церковную и гражданскую, а потому и естественно было его желаніе подѣлиться этимъ знаніемъ съ своими молодыми слушателями, по сказанному: „исторія есть свѣтильникъ истинъ и наставница жизни.“ О. Александръ скончался въ 1854 году, оставивъ своему большому семейству одно честное имя и общее уваженіе къ его памяти: старшая дочь вышла замужъ за его преемника по мѣсту. Сынъ—нынѣ извѣстный инженеръ военнаго вѣдомства.

(Окончаніе будетъ.)

А. Л—дъ.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

ФЕВРАЛЬ.

1871.

ВЪСПОМИНАНИЕ О ТРЕХЪ РУССКИХЪ ПРАВОСЛАВНЫХЪ СЯЩЕННИКАХЪ ^(а).

III.

По производствѣ въ офицеры, мнѣ пришлось прослужить 12 лѣтъ (1840—1852) въ одномъ изъ гвардейскихъ полковъ, квартировавшемъ въ окрестностяхъ Петербурга. Здѣсь-то я имѣлъ удовольствіе встрѣтиться съ третью замѣчательною личностію изъ нашихъ православныхъ священниковъ. Это былъ о. Александръ Благовѣщенскій, служившій священникомъ при тамашнемъ военномъ госпиталѣ. Мы были въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ этому госпиталю, потому что одною изъ нашихъ служебныхъ обязанностей было постоянное очередное въ немъ дежурство. Собственно же съ о. Александромъ сблизилъ меня прекрасныя свойства его дѣтски чистой души, которыя блестяли въ бѣдной обстановкѣ всего его быта, какъ алмазъ въ своей корѣ. Въ разнообразномъ обществѣ небольшого городка, люднаго въ лѣтнее время и пустѣвшаго зимою, составилъ небольшой кружокъ людей расположенныхъ къ церкви, людей принадлежавшихъ къ разнымъ вѣдомствамъ по своей официальной службѣ, но соединенныхъ между собою самымъ крѣпкимъ цементомъ: этимъ цементомъ была общая имъ любовь къ матери нашей св. церкви и ея божественнымъ уставамъ. О. Александръ также примкнулъ къ этому небольшому кружку, и здѣсь-то я узналъ впервые эту высокую и незабвенную для меня личность. Вся жизнь его была исполнена одною цѣлью: благоугождать Господу и привлекать другихъ на узкій путь христіанской жизни, и для этой цѣли онъ не щадилъ ни здоровья,

(а) См. январск. книжку.

ни своихъ душевныхъ силъ. Понятно, что по его положенію въ обществѣ его духовно-рыбарская мрежа не могла охватывать большаго пространства, но тѣмъ вѣрнѣе уловляла она во спасеніе тѣхъ, которые были по чему либо къ нему близки. Больные и госпитальная прислуга были первою его добычею: кромѣ церковнаго богослуженія и собесѣдованій при ономъ, о. Александръ почти ежедневно посѣщалъ больничныя камеры, входилъ въ бесѣды съ больными и едва замѣчалъ въ комъ нибудь искру божественнаго огня, онъ уже не оставлялъ своего попеченія о такомъ, пока на мѣстѣ слабой искры не возгорится огонь чистой любви и усердія. Многіе изъ нижнихъ чиновъ нашего полка, зная по слуху ревность о. Александра къ назиданію ближнихъ и свободный къ нему доступъ во всякое время, ходили къ нему съ просьбою о вразумленіи, назиданіи и утѣшеніи въ скорбяхъ своихъ, и наконецъ самъ онъ еженедѣльно посѣщалъ городскую тюрьму, почти всегда переполненную пересыльными арестантами, и на все это доставало у него времени и усердія. Одного утѣшить словомъ, другому дать почитать книжку съ условіемъ спросить о томъ, чего не пойметъ при чтеніи; за обидимаго попросить защиты у кого можетъ и знаетъ заключеннымъ, сверхъ утѣшенія словомъ, пошлетъ посильное подаваніе.

Блѣдный, худощавый, малаго роста, казавшагося еще меньшимъ отъ привычки умаляться ради Бога вездѣ, всюду и предъ всѣми, о. Александръ былъ не только не замѣтенъ, но и удобопрезираемъ для всѣхъ тѣхъ, которые привыкли цѣнить прежде и паче всего внѣшность. По сказанному: „многи скорби праведнымъ,“ онъ всю жизнь свою отъ колыбели и до могилы провелъ въ скорбяхъ и лишеніяхъ, въ непрестанной борьбѣ со зломъ за добро, за право дѣлать и сѣять добро, даже въ той ограниченной сферѣ, которая была ему доступна. Госпитальное начальство, особенно смотритель госпиталя, съ подозрительностію смотрѣли на его слишкомъ близкія и можно сказать дружескія отношенія къ больнымъ; задавались и мучили себя вопросами: „зачѣмъ это онъ временно и безвременно бродить по палатамъ, обходить койки и говорить съ каждымъ словно сидѣлка? его ли это дѣло? онъ попъ,—знай свою церковь, да требы и только; отчего этаго не сдѣлають другіе? вѣрно онъ за тѣмъ сближается съ больными и госпитальной прислугой, чтобы повывѣдать все, что у насъ дѣлается и потомъ разомъ подать доносъ. Вѣдь не даромъ же онъ упрашиваетъ: тому прибавить порцію,

другому отсрочить выписку, и хоть часто остается съ носомъ, а все лезетъ съ своими несносными просьбами. Нѣтъ, тутъ что нибудь да есть! — Главный докторъ, жившій всегда въ ладахъ съ смотрителемъ (а не съ ординаторами), тоже находилъ съ своей стороны „неприличными“ частыя посѣщенія о. Александромъ больничныхъ камеръ; онъ-де беспокоить безъ нужды больныхъ, онъ наводитъ на нихъ уныніе своими бесѣдами; надобно формально запретить ему эти безвременныя посѣщенія. Госпитальной аристократіи не нравилось его церковное служеніе. „Что это такое, разсуждали они, скучно, монотонно, какъ-то тѣнетъ, иногда хнычетъ, выдумалъ говорить почасту проповѣди, кто ихъ слушаетъ? на что онъ въ госпитальной церкви?“ А для разсѣянія своихъ недоумѣній, стоило бы этимъ господамъ, попробовать хотя однажды спросить объ этомъ тѣхъ, для кого произносились эти проповѣди, хотя бы взглянуть внимательно на лица слушавшихъ, и они бы убѣдились, что эти и въ церкви и въ палатахъ въ сладость послушали его. Но въ томъ-то и дѣло, что никто изъ „власть имущихъ“ въ госпиталь не догадывался, что въ этомъ маленькомъ, ни почему не видномъ человѣкѣ, жила великая и высокая христіанская душа, неспособная ни на одно изъ тѣхъ дѣйствій, которыя они, по имѣвшей причины робѣть наединѣ съ собою совѣсти, приписывали бѣдному священнику. Онъ точно видѣлъ и зналъ все: зналъ, что, въ то время, какъ болѣлые едва могли уловить внутреннее содержаніе своихъ больничныхъ суповъ, другіе были сытешенки насчетъ ихъ; въ то время когда болѣлые дрожали отъ холода или согрѣвались лишь благодаря тѣснотѣ помѣщенія, иные нѣжились при пылающихъ насчетъ недобранныхъ у подрядчика дровъ — каминахъ; въ то время когда эти морщась пили кислый квасъ, у тѣхъ не сходили со стола дорогія заморскія вина; зналъ, что любостяжаніе не останавливалось даже и передъ урѣзываніемъ савана, котораго иногда едва доставало прикрыть кое-какъ совершенно обнаженный трупъ, во время отпѣванія покойника, — въ могилѣ-де все равно, скоро сгніетъ и этотъ. Зналъ все это и многое другое о. Александръ, но зная, что „жестокое есть противу рожна протѣ“ и что помѣшать ничему такому было не въ его власти и средствахъ, — молчалъ, плакалъ и молился, равно за обиженныхъ и обидящихъ, моля защитить первыхъ и вразумить послѣднихъ и вѣря, что Господь Богъ отмщений не забываетъ: — также терпѣливо сносилъ и личныя

нападки на себя, не измѣняя впрочемъ въ угоду сильныхъ ни своихъ убѣжденій, на своего образа дѣйствій.

О. Александръ былъ женатъ на единственной дочери одного Пет—го купца, тогда уже принявшаго монашескій образъ съ именемъ Августалія (а). Кроткая и любящая жена его была вполне достойна своего смиренного мужа; при всѣхъ недостаткахъ и искушеніяхъ, обремененная семействомъ, она никогда „не дала безумія Богу“ и не только не роптала на вопіющую нужду, но заботливо удаляла отъ мужа все, что могло беспокоить его, радостно помогая ему нести тяжелый крестъ бѣдности, утѣшая и укрѣпляя его надеждою дней лучшихъ. „Слава Богу за все“, было любимымъ отвѣтомъ обоихъ—мужа и жены, на вопросъ о нуждахъ житейскихъ. Но однажды не выдержала и адамантовая твердость о. Александра. Дѣло помнится было такъ: по переводѣ госпиталя, помѣщавшагося прежде въ старыхъ деревянныхъ зданіяхъ бывшихъ казармъ, во вновь отстроенное каменное зданіе,—священникъ былъ на время оставленъ на жительствѣ въ одномъ изъ старыхъ флигелей, тогда какъ всѣ прочія зданія стараго госпиталя поступили въ вѣдѣніе мѣстнаго дворцоваго правленія. Главной статьей домашняго хозяйства о. Александра была корова, которая была, можно сказать, кормилицею всего семейства и потому служила предметомъ особой заботливости хозяина и хозяйки. Какъ-то весною корова эта, урвавшись изъ хлѣва, зашла въ средину бывшаго госпитальнаго двора, покрывшагося уже сочною травою; тутъ ее схватили и представили въ дворцовое правленіе, начальство котораго все состояло изъ нѣмцевъ. Корову задержали и по наведеніи справки, что она принадлежитъ госпитальному священнику, немедленно настрочили отношеніе въ госпиталь, требуя со священника 10 рублей сер. штрафа за потраву дворцоваго луга. О. Александръ, получивъ подобное преувеличенное требованіе, заплатити штрафъ, по неимѣнію денегъ, отказался. Тогда дворцовое

(а) О. Августалій въ концѣ 40-хъ годовъ переселился изъ Невской лавры на св. Аѳонскую гору, гдѣ помѣстился подъ покровительствомъ греческаго Эсфигменскаго монастыря, устраивая надъ пещерою горы Самары—мѣстомъ первоначальныхъ подвиговъ отца нашихъ иночествующихъ пр. Антонія Печерскаго, небольшую келлію съ церквію во имя сего святаго. Передъ началомъ крымской войны, выбылъ изъ Аѳона и скончался въ Петербургѣ на рукахъ любимой дочери и зятя.

правленіе рѣшило: корову продать съ аукціона, штрафъ вычестъ, а остальные деньги возвратить хозяину, вслѣдствіе чего корова, стоившая отъ 30 до 40 рублей, была продана за 20 руб. сер., изъ которыхъ 10 р. препровождены при отношеніи въ госпиталь для передачи священнику. О. Александръ не принялъ и этихъ денегъ, но зная, что искать защиты не у кого, поручилъ свою обиду Господу Богу; но какъ ни крѣпился, а видя своихъ малютокъ лишенныхъ и послѣдняго невиннаго утѣшенія — свѣжаго молока и плачущихъ объ этомъ на колѣняхъ матери, не выдержалъ и горько заплакалъ самъ, нарекая на человѣческую неправду и черствость. Что же случилось? Солдаты нашего полка, узнавъ объ такой кровной обидѣ ихъ любимаго батюшки, поймали гдѣ-то одну изъ тирольскихъ коровъ, принадлежавшую управляющему Дворцовымъ правленіемъ, и распорядились съ мясомъ по своему, а голову подкинули къ его воротамъ, привязавъ къ рогамъ нацарапанную углемъ записку: „тоже будетъ и тебѣ, такой-сякой нѣмецъ, за обиду бѣднаго священника.“ (а) Несмотря на то, что командиръ полка былъ тоже нѣмецъ и слѣдовательно пріятель управляющаго, никакіе секретные розыски, напоминавшіе своею изобрѣтательностію тайную канцелярію, не навели сыщиковъ на слѣдъ остальной части Тирольской коровы и ея похитителей, и нѣмецъ волей-неволей долженъ былъ принять данный ему урокъ, а друзья о. Александра, провѣдавъ о его обидѣ, сложились и купили ему корову, гораздо лучшую проданной.

Изъ упомянутаго госпиталя о. Александръ перепросился въ послѣдствіи въ С.-Петербургъ, гдѣ былъ помѣщенъ въ отдѣленіе, назначенное для больныхъ арестантовъ морскаго вѣдомства, при церкви, основанной еще Петромъ Великимъ, гдѣ и оставался до самой своей кончины. Здѣсь о. Александръ продолжалъ усердно сѣять Слово Божіе въ сердцахъ несчастныхъ и сколько онъ сдѣлалъ имъ добра, сколькихъ закоренѣлыхъ въ порокъ обратилъ на путь добродѣтели, ожесточенныхъ жестокимъ наказаніемъ (сквозь строй), смягчилъ и примирилъ съ Богомъ и людьми, — знаетъ лишь Тотъ, у кого не будетъ забвено ничто сдѣланное ближнему во имя Его!

Въ то же время о. Александръ принялъ на себя должность законоучителя въ фельдшерской школѣ кантонистовъ, съ

(а) Нельзя не пожалѣть о такомъ поступкѣ солдатъ, хотя онѣ внушенъ и добрымъ чувствомъ.

чѣмъ открылось новое поле для его миссіонерской дѣятельности: имѣя въ виду, что въ военныхъ госпиталяхъ фельдшера имѣютъ болѣе вліянія на больныхъ, чѣмъ самые доктора, и что отъ ихъ усердія или нерадѣнія облегчается или отягощается участь страждущихъ, о. Александръ обратилъ все свое стараніе на то, чтобы насадить въ сердцахъ своихъ воспитанниковъ чувство христіанскаго милосердія, какъ единственный источникъ къ поддержанію усердія при исполненіи ихъ дѣйствительно многотрудной обязанности, и, при помощи Божіей, образовалъ цѣлое поколѣніе фельдшеровъ христіанъ, настолько отличныхъ отъ прежнихъ, насколько порокъ отличенъ отъ добродѣтели. Счастливыми считали себя больные той палаты, гдѣ былъ такой фельдшеръ, и имя его благословлялось тѣми, кто былъ ввѣренъ его попеченію. Нѣкоторые изъ этихъ фельдшеровъ по выходѣ въ отставку пошли на жительство въ монастыри и продолжаютъ свое служеніе страждущему человѣчеству въ монастырскихъ больницахъ, благословляя память своего воспитателя, научившаго ихъ любить добро ради самаго добра и находить награду въ свидѣтельствѣ совѣсти о исполненномъ долгѣ.

Въ этотъ періодъ служенія о. Александра былъ слѣдующій замѣчательный случай: однажды поступилъ на излѣченіе во 2-й сухопутный госпиталь нѣкто изъ воспитанниковъ офицерскихъ классовъ Артиллерійскаго училища, полякъ по происхожденію и католикъ по религіи, которому по какому-то случаю вздумалось лишить себя жизни и сдѣлать это съ помощію бритвы, но рука дрогнула и преступный умыселъ самоубійцы не имѣлъ желаемаго имъ успѣха. Въ госпиталь онъ рѣшился докончить начатое, уморить себя голодомъ. По счастью для юнаго безумца, для ухода за нимъ былъ приставленъ молодой фельдшеръ изъ учениковъ о. Александра; онъ ухаживалъ за больнымъ душевно съ такимъ христіанскимъ усердіемъ и сердоболіемъ, которые видимо тронули ожесточенное сердце больного. „Кто тебя научилъ такъ заботливо обращаться съ больными?“ спросилъ офицеръ у фельдшера, и получилъ въ отвѣтъ: „нашъ законоучитель священникъ.“ „Странно, сказалъ задумавшійся больной, наши то ксензы вриды ли бы стали внушать такіа правила въ отношеніи къ тому, кто въ ихъ глазахъ считается еретикомъ и слѣдовательно пронащимъ челоѣкомъ. Не можешь ли ты, прибавилъ онъ, познакомить меня съ вашимъ священникомъ?“ „Отчего же нѣтъ, отвѣчалъ обрадованный этимъ

вызовомъ фельдшеръ,—я сегодня же скажу ему о вашемъ желаніи.“—Когда фельдшеръ пришелъ ко мнѣ въ олтарь, рассказывалъ о. Александръ, я оканчивалъ божественную литургію. Услышавъ о желаніи больного поляка и католика, я было усумнился; но это было лишь минутное колебаніе, чувство христіанскаго состраданія взяло тогда же перевѣсъ надъ человѣческимъ опасеніемъ впутаться въ какую-либо непріятную исторію, и я, потребивъ Св. Дары и взявъ съ собою девятичиновную просфору, отправился вслѣдъ за фельдшеромъ въ госпиталь. Придя въ палату и подойдя къ койкѣ больного офицера, я благословилъ его съ словами: миръ вамъ и благословеніе отъ Господа нашего Іисуса Христа,—и съ этими словами подалъ ему просфору. Больной ласково взглянулъ на меня, чувство удовольствія мелькнуло на его страдальческомъ вицѣ, и онъ, взявъ св. просфору, машинально отломилъ лтъ нея порядочную часть и сѣлъ ее молча. Но потомъ одругъ лицо его измѣнилось, онъ также машинально возвратилъ мнѣ остальную часть просфоры и глядя на меня удивленными глазами, началъ говорить прерывающимся отъ внутренняго волненія голосомъ:—„что ты со мною сдѣлалъ? ты должно быть чародѣй, вѣдь я твердо рѣшился уморить себя голодомъ, а ты, Богъ знаетъ какъ, помѣшалъ мнѣ въ этомъ.“ Давши ему высказаться, я началъ кротко доказывать ему, какъ преступна и самая мысль лишить себя самопроизвольно жизни, которая есть драгоценный даръ Божій, и сказалъ что въ этой двукратной помѣхѣ исполненію такого преступнаго желанія, онъ долженъ видѣть руку Божию, не допустившую его до ужаснѣйшаго преступленія. Не упомяну въ точности, что и какъ говорилъ я ему, но видѣлъ ясно, что простые слова мои, разумѣется не по моему краснорѣчію, а по силѣ благодати Божіей произвели желаемое дѣйствіе: слезы оросили ланиты больного и лицо его опять приняло кротко-страдальческое выраженіе, а глаза, увлажненные благодатною росой слезъ, смотрѣли на меня мягко и съ любовью.—„Послушай, отецъ, сказалъ онъ мнѣ, прижимая къ устамъ мою руку,—ты возбудилъ во мнѣ отвращеніе къ моему поступку и желаніе жить новою, лучшею жизнью, а потому я и желаю начать эту новую жизнь тѣмъ, чтобы сдѣлаться сыномъ той церкви, которая имѣетъ у себя столь достойныхъ служителей, какихъ я не встрѣчалъ у насъ. Объядай мнѣ исполнить мое сердечное желаніе, если хочешь докончить доброе дѣло.“—„Не ожидая

вовсе такого исхода, я сказалъ, что объ этомъ надобно подумать хорошенько и ему и мнѣ, но что я, съ своей стороны, готовъ содѣйствовать его желанію, насколько это зависитъ отъ меня. И простившись съ нимъ, ушелъ. Подумавъ хорошенько, я доложилъ о семъ случаѣ тогдашнему военному губернатору, который принялъ меня ласково, обѣщалъ свое содѣйствіе и доложилъ митрополиту (В—му Антопію). Но дѣло затянулось и наконецъ дошло, не знаю какимъ путемъ, и до свѣдѣнія высшаго католическаго духовенства. Съ этой поры дѣло тотчасъ приняло другой оборотъ. Меня внезапно потребовали къ митрополиту; онъ былъ на ту пору чѣмъ-то сильно встревоженъ и принялъ меня гнѣвно: „кто тебѣ поручилъ заниматься обращеніемъ католиковъ? какое тебѣ дѣло до этого офицера“? Напрасно я старался объяснить, какъ умѣлъ, что я вовсе и не думалъ уговаривать никого перейти въ православіе, что это желаніе выразилъ действительно самъ больной и вотъ по какому поводу... Меня не хотѣли выслушать: „не твое дѣло заниматься пропагандой, зналъ бы одно свое прямое дѣло, а то заварилъ кашу, а тутъ ее расхлебывай, какъ знаешь. Ты думаешь дѣло простое, а оно весь Петербургъ взбудоражило, и въ другой разъ не смѣй мѣшаться не въ свое дѣло, а то я тебѣ найду мѣсто.“ Съ огорченіемъ вернулся я домой, думая: Господи, Ты самъ знаешь, чѣмъ и насколько я тутъ виноватъ,—и молилъ крѣпко Его благости, да мимо идетъ отъ меня сіе новое искушеніе. Послѣ этого самъ я уже конечно не осмѣлился навѣстить больного, едва рѣшился и спросить у фельдшера, что послѣдовало далѣе. По его разсказу докторъ полякъ (а въ госпиталѣ было ихъ не мало), провѣдавъ какъ-то о намѣреніи больного, цоспѣшилъ съ донесеніемъ къ высшему католическому духовенству и вліятельнымъ лицамъ ихъ столичной партіи. Узнавъ, что дѣло это уже вышло за границы госпиталя, подняли шумъ, поставили на ноги всѣхъ „своихъ“, и на общемъ совѣтѣ рѣшено было во что бы то ни стало не допускать такого, по ихъ мнѣнію, вопіющаго позора и посрамленія для католической церкви. Спустя нѣсколько дней, пригласили меня въ пріемный покой. Прихожу, спрашиваю: что угодно? Дежурный докторъ полякъ съ злобной усмѣшкой отвѣчаетъ: „а вотъ, посидите, да подождите, такъ и узнаете.“ Сижу часъ, другой, третій, спрашиваю у одного, у другаго, и не могу добиться никакого толковаго отвѣта; хочу уйти, меня удерживаютъ почти насильно. Наконецъ

отворяется дверь и является передъ мною высшая духовная особа католической церкви въ Петербургѣ (помнится ректоръ католической духовной Академіи). Начинается рядъ казуистическихъ вопросовъ относительно моего знакомства съ больнымъ, и изъясненнаго имъ намѣренія перейти въ православіе. Я отвѣчаю кратко и осторожно, что Богъ положилъ на сердце. Слѣдуютъ ласковыя предложенія: отказаться добровольно отъ моего заявленія, приписать его увлеченію, ошибкѣ, чему-нибудь въ этомъ родѣ. Отъ ласки слѣдуетъ переходъ къ угрозамъ. Я молчу. Разговоръ прерывается рѣзкимъ замѣчаніемъ: „тъфу ты, настоящій Грекъ!“ и высокая особа уходитъ, видимо недовольная мною. Черезъ день приглашаютъ опять въ госпиталь, и на этотъ разъ ведутъ прямо къ койкѣ больного. Трудно представить себѣ, какъ онъ измѣнился въ это недолгое время; слабымъ, чуть слышнымъ голосомъ онъ сталъ мнѣ говорить очевидно твердо заученныя слова: „батюшка, вы знаете, какою болѣзнію я боленъ; вы умѣете читать по-латыни? Прочтите же, что написано на моемъ билетѣ, что надъ койкой“. Я молча вскинулъ глазами и прочелъ что-то въ родѣ бѣлой горячки или умопомѣшательства. „Я не отказываюсь отъ своего намѣренія, продолжалъ онъ съ усиленіемъ, но какая вамъ честь, если помѣшанный присоединится къ православной церкви? сказалъ онъ горько улыбувшись. А вотъ какъ выздоровѣю, то постараюсь вспомнить свое обѣщаніе. А теперь прощайте. Пожалуйте меня“, сказалъ онъ полушепотомъ, пожимая мою руку. Все это, надобно замѣтить, говорилось въ присутствіи доктора-поляка, который все время не сводилъ съ насъ обоихъ своего холодно извѣстельнаго взгляда. Жалѣя больного, я не сказалъ ничего въ отвѣтъ на внушенную ему, очевидно не безъ насилія, рѣчь, и скрѣпя сердце вышелъ, также молчаливо, какъ и вошелъ. Въ послѣдствіи узналъ я, что больной выздоровѣлъ, ему исходатайствовали полное прощеніе въ его поступкѣ и переводъ въ одну изъ батарей, расположенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, куда конечно напередъ полетѣли строгія внушенія роднымъ и духовенству — какъ принять въ свои руки неосторожнаго юношу. Слышалъ также, что онъ порывался, по выпискѣ изъ госпиталя, повидаться со мною, но не могъ, потому что за нимъ слѣдили, что называется, во сто глазъ.“

Какъ же вы думаете, батюшка, объ этомъ дѣлѣ, спросилъ я, выслушавъ простодушный рассказъ о. Александра.

„Да думаю, отвѣчалъ онъ скромно, что виновать кругомъ одинъ я: мнѣ бы не слѣдовало спѣшить доводить заявленія больного до высшаго начальства, а слѣдовало бы, *предчувствуя* исходъ этого дѣла, потушить его въ самомъ началѣ, отказавъ больному на отрѣзъ, убѣдивъ его, что намѣреніе его неисполнимо и т. д. Впрочемъ, прибавилъ онъ, горько улыбнувшись, честь и слава католикамъ: они стоятъ другъ за друга стѣною, и конечно не ихъ мы можемъ упрекнуть въ индифферентизмъ и равнодушію къ чести своей церкви“. Оставивъ службу и Петербургъ въ 1852 году и вступивъ вскорѣ за симъ въ монастырь, я продолжалъ отъ времени до времени переписываться съ о. Александромъ. Потомъ онъ что-то замолкъ, а наконецъ я получилъ извѣщеніе отъ его супруги, что о. Александръ послѣ непродолжительной болѣзни, почилъ отъ своей скорбной и многотрудной жизни, поручивъ земную участь своей вдовы и сиротъ промыслу Божію. Письмо скорбной вдовы оканчивалось словами: „Онъ переселился съ упованіемъ туда, идѣже, какъ вѣримъ, живетъ святая правда, здѣсь гонимая, по сказанному: „новаго небеси и земли чаемъ, въ нихже правда живетъ.“

Таковы мои воспоминанія о трехъ достойныхъ служителяхъ вертограда Христова. Съ тѣхъ поръ какъ я самъ получилъ драгоценное право приносить безкровную жертву, на каждой проскомидіи считаю долгомъ благодарной памяти вспомнать имена священноіереевъ Тихона, Александра и Александра наравнѣ съ именами самыми близкими моему сердцу. Память праведныхъ съ похвалами, память ихъ въ родъ и родъ.

А. Л.